

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-9-2
УДК 343.9

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В МОШЕННИЧЕСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Вишневецкий К.В.¹, Кашкаров А.А.², Кашкаров А.А.³

Краснодарский университет МВД России¹,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,²

Крымский юридический институт – филиал Университета прокуратуры Российской Федерации³

Аннотация. Цель. В публикации излагаются результаты исследования современного состояния групповых форм мошенничества. В исследовании отмечается, что соучастие в мошенничестве имеет специфические особенности, которые влияют на квалификацию. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа судебной практики. В процессе подготовки публикации использовались доктринальные положения уголовного права. В результате исследования сделан вывод о том, что на некоторые формы не учтены в качестве квалифицированных видов мошенничества, предложены правила квалификации мошенничества, совершенного в соучастии. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего критического анализа института соучастия при совершении мошенничества, а также квалификации организованных форм мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, соучастие в преступлении, организатор, исполнитель (соисполнитель), пособник, злоупотребление доверием, обман, преступление, состав преступления, организованная группа, группа по предварительному сговору, преступная организация (преступное сообщество).

INSTITUTE OF COMPLICITY IN FRAUD: CURRENT STATE

Kirill V. Vishnevetskiy¹, Alexey A. Kashkarov², Alexander A. Kashkarov³

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia¹,

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,²

Crimean Law Institute - branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation³

Abstract. Object: The publication presents the results of the study of the current state of group forms of fraud, the study notes that complicity in fraud has specific ones that affect the qualification. The study used general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, sociological) methods of cognition, as well as the method of content analysis of judicial practice. In the process of preparing the publication, doctrinal provisions of criminal law were used. As a result of the study, it was concluded that some forms are not taken into account as qualified types of fraud, the rules for qualifying fraud committed in complicity are proposed. Findings and conclusions: the publication materials can be used for further critical analysis of the institution of complicity in committing fraud, as well as the qualification of organized forms of fraud.

Key words: fraud, complicity in a crime, organizer, perpetrator (co-perpetrator), accomplice, abuse of trust, deception, crime, corpus delicti, organized group, group by prior conspiracy, criminal organization (criminal community).

Введение.

Теории уголовного права, так же, как и в криминологии институт соучастия знаком давно, однако, в современных условиях под воздействием различного рода факторов он претерпевает изменения.

В последнее время, согласно данным официальной статистики ГИАЦ МВД России, отмечается рост количества зарегистрированных преступлений, совершённых в соучастии, это объяснимо рядом факторов, основными из которых яв-

ляются профессионализация и цифровизация преступности, а также появление новых способов совершения преступлений.

Исследователи отмечают, что совместная преступная деятельность является разновидностью социальной системы, которая характеризует социальную форму движения материи, обладает свойствами целенаправленного отражения действительности, приспособления к ней и ее преобразования, что, в свою очередь, обуславливает существование микро- и макро-групп.

Совместная преступная деятельность является интегративной; то есть, она аккумулирует и повышает индивидуальные способности участников преступных сообществ (преступных организаций), а достижения современных технологий усиливают результативность совместной преступной деятельности многократно [1; 2].

Профессор Ю.Е. Пудовочкин указывает на то, что признаки преступления, совершенного в соучастии, частично отражены в нормативной дефиниции соучастия, частично разрабатываются доктриной уголовного права и устанавливаются правоприменительной практикой [3, с. 4]. Также он отмечает, что соучастие как один из наиболее сложных для практического применения институтов уголовного права в судебной практике порождает массу ошибок [4, с. 82].

Обсуждение.

Уголовный кодекс (далее – УК РФ) в ст. 32 определяет, что соучастием признается совместная умышленная деятельность двух или более лиц, направленная на совершение умышленного преступления. Исходя из этой законодательно закрепленной дефиниции, а также, руководствуясь принципом вины (ст. 5 УК РФ), теоретики уголовного права определяют, что соучастие возможно исключительно при единстве умысла всех соучастников. Хрестоматийным является положение, что умысел является объединяющим началом психического соотношения соучастников к совместно содеянному.

Законодатель определил, что квалифицированным видом мошенничества является совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ) в ч. 2 ст. 159 УК РФ и особо квалифицированным видом мошенничества – организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ) в ч. 4 ст. 159 УК РФ. При этом такие формы соучастия, как совершение преступления группой лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ) и совершение преступления преступным сообществом (пре-

ступной организацией) (ч. 4 ст. 35 УК РФ) остаются без законодательного закрепления в ст. 159 УК РФ.

Однако установление признаков совершения мошенничества группой лиц без предварительного сговора является обязательным, так как пункт в) ч. 1 ст. 63 УК РФ определяет, что совершение преступления в составе группы является обстоятельством, отягчающим ответственность, то есть в обязательном порядке должно учитываться судом при назначении наказания.

Анализ ч. 2 ст. 35 УК РФ свидетельствует о том, что нельзя признавать мошенничество, совершённое группой лиц по предварительному сговору, при условии, что один из соучастников начал выполнять объективную сторону преступления и лишь потом обратился к иному лицу за содействием, так как они должны договориться заранее о совместном совершении мошенничества. Аналогичная позиция изложена в Обзоре Верховного Суда Республики Мордовия от 1 июля 2017 г. «Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия за II полугодие 2017 года», в котором отмечается, что при установленных судом обстоятельствах судебная коллегия не нашла оснований расценить преступные действия осужденных как совершенные по предварительному сговору группой лиц, поскольку Ц. начал выполнять объективную сторону преступления самостоятельно и лишь потом обратился к П. за содействием, и исключила указанный квалифицирующий признак [5].

Таким образом, в состав группы без предварительного сговора могут входить не только соисполнители преступления, но и иные соучастники.

Аналогичный вывод сделан профессором К.В. Ображиевым, который, опираясь на анализ судебной практики, отмечает, что с точки зрения высшей судебной инстанции, предписания ч. 1 ст. 35 УК РФ следует воспринимать лишь как указание на минимальный состав участников группы лиц без предварительного сговора (не менее двух соисполнителей), которое не исключает возможности сложного соучастия, т.е. соучастия с распределением ролей [6, с. 6].

Следует отметить, что в последнее время правоприменительная практика всё чаще сталкивается с такими участниками преступных групп, как дропы (дроперы) и дроводы [1, с. 104-108], которые не имеют правового определения, в связи с чем, возникают вопросы: К какому виду соучаст-

ников относить их? Где дропы выступают курьерами, обеспечивающими сбор похищенного имущества либо предоставляют свои банковские счета для аккумуляции похищенных денежных средств и последующем переводом похищенного иным лицам?

Дроповоды обеспечивают подбор дропов и курируют их деятельность. И дроп, и дроповод должны признаваться соучастниками в преступлении, однако, в зависимости от содеянного, эти лица могут выступать либо в качестве соисполнителя, либо пособника.

Современные исследователи проблем криминологического обеспечения кибербезопасности отмечают, что дропы и дроповоды – одна из специализаций внутри организованных преступных группировок, занимающихся технологиями интернет-мошенничества, которые либо обналичивают денежные средства (дропа), либо управляет дропами (дроповод) [7, с. 421]. Дропы и их кураторы – дроповоды, обеспечивают перемещение денежных средств, добытых преступным путём внутри легальной банковской системы; они обеспечивают первичное аккумуляцию денежных средств от продажи наркотиков либо оружия, похищения средств, полученных путём дистанционных форм хищения либо занятия проституцией. Также, в их задачу входит дробление, конвертация, вывод за пределы государства денежных средств.

Признавая дропов (курьеров) участниками преступных сообществ (преступных организаций) следует исходить из того, что они осознают, что:

- их деятельность является противоправной (преступной);
- она является совместной; то есть, их деятельность контролируется, курируется и организуется иным лицом;
- такого рода деятельность является структурированной и иерархичной;
- в общем, она направлена на достижение определенного преступного результата, которая в целом направлена на извлечение материальной (финансовой) выгоды [1, с. 104-108].

Как нам представляется, действия дроповода можно квалифицировать как действия организатора преступления, так как он склоняет дропа к совершению преступления и оказывает ему помощь.

Так, профессор Ю.Е. Пудовочкин, ссылаясь на судебную практику, указывает, что выполнение при совершении преступления действий, связанных и с подстрекательством, и с оказанием

помощи исполнителю, полностью охватывается составом организаторства, подстрекательство и пособничество к совершению преступления является излишним [4, с. 83-84].

Логика УК РФ и п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ППВС РФ от 30.11.2017 № 48) [8] предусматривают, что при совершении преступления двумя и более лицами, следует установить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников.

Исполнителем признается лицо, которое выполнило объективную сторону того либо иного преступления, причем, объективная сторона того либо иного преступления должна быть выполнена в полном объеме. В зависимости от конструкции объективной стороны преступления, момент окончания преступления различен у преступлений с материальным и формальным составом. Так, абз. 1 п. 5 ППВС РФ от 30.11.2017 № 48 определяет, что «классическое» мошенничество признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. Раскрывая объективную сторону такого вида хищения, как мошенничество, следует понимать, что она - объективная сторона преступления и характеризуется не только обманом либо злоупотреблением доверием, но и исходя из содержания примечания 1 к ст. 158 УК РФ, она характеризуется также и изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновных либо других лиц. Без факта изъятия чужого имущества объективная сторона мошенничества не будет выполнена в полном объёме. То есть, выполнение объективной стороны «классического» мошенничества, совершенного путем обмана или злоупотребления доверием, может быть разбито на этапы, а именно, одно лицо совершает введение в обман потерпевшего, другое изымает имущество потерпевшего, после чего, у виновных лиц появляется реальная возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению, в данном случае оба лица выступают соисполнителями объективной стороны «классического» мошенничества.

Исходя из приведенного примера, можно сделать вывод о том, что действия курьера, который прибывает на адрес потерпевшего (например, «алло, у вашего родственника проблемы ...») с целью забрать деньги либо иные ценности следует квалифицировать как соисполнительство мошенничества; то есть, в соответствии с ч. 2 ст. 34 УК РФ, соисполнитель отвечает по соответствующей статье Особенной части УК РФ без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. В данном случае, лицо, которое изымает денежные средства потерпевшего, продолжает выполнять объективную сторону мошенничества в форме обмана, так как потерпевший продолжает думать, что его родственнику необходима помощь, и он её оказывает. Пособником, в данном случае - курьера, признавать нет оснований, так как, в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособник преступления заранее обещает скрыть предметы, добытые преступным путём, то есть после того, как виновное лицо (виновные лица) получило возможность распорядиться имуществом по собственному усмотрению.

В приведённом примере со сложной конструкцией объективной стороны «классического» мошенничества лицо выполняет её обязательную часть изымая чужое имущество. В поддержку данной позиции следует привести п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС РФ от 27.12.2002 № 29), в котором указывается, что ответственность за хищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наступает и тогда, когда непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них при условии, что другие участники, в соответствии с распределением ролей, совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления; содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ [9].

Однако в случае, если соучастник мошенничества содействует лицу, которое завладело путём обмана (злоупотребления доверием) чужим имуществом посредством предоставления заранее обещанных транспортных услуг, например, забирает виновное лицо с места совершения мошенничества, то в данном случае следует признавать такого рода действия как пособничество в преступлении, так как в данном случае лицо обеспечивает сокрытие преступника и следует квалифи-

цировать со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Справочно отметим, что схожая позиция также отражена в абз. 2 п. 10 ППВС РФ от 27.12.2002 № 29.

Таким образом, исходя из смысла закона, действия соучастника, непосредственно не выполнявшего объективную сторону состава «классического» мошенничества (дроповода), а лишь подыскавшего лицо, готовое принять похищенное имущество (дропа), квалифицируются как пособничество мошенничеству; то есть, оно содействовало совершению этого преступления советами, указаниями либо заранее обещавшего скрыть следы преступления, устранить препятствия, не связанные с оказанием помощи непосредственным исполнителем преступления, сбыть похищенное и т.п., что надлежит квалифицировать как соучастие в форме пособничества со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Так, в обзоре Верховного Суда Республики Мордовия от 1 июля 2017 г. «Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия за II полугодие 2017 года» отмечается, что Цыганкин Е.А., имея умысел совершить хищение путём злоупотребления доверием потерпевшего Б.Н.Н., предложил Пушкареву принять участие в мошеннических действиях. Тот, согласившись, подыскал лицо, которое должно было принять деньги и перечислить их на счёт, указанный Цыганкиным, неоднократно созванивался с этим лицом, просил оказать содействие Цыганкину, принять (получить) от него свою долю денежных средств после исхода мошенничества.

Таким образом, Пушкарев выступил в роли пособника в совершении преступления в отношении потерпевшего, поскольку не выполнял объективную сторону данного преступления, непосредственного участия в покушении на хищении денежных средств не принимал, а лишь оказал пособничество исполнителю преступления – Цыганкину [10]. Полагаем, что Пушкарев выступает дроповодом – пособником, а лиц, которое принимало участие в получении денежных средств потерпевшего Б.Н.Н., выступает курьером (дропом) – соисполнителем мошенничества Цыганкина. Фактически, именно курьер выполнил часть объективной стороны преступления, обеспечил возможность поступления похищенных денежных средств иным соучастникам и также обеспечил возможность распорядиться похищенным по усмотрению виновных лиц.

Однако абз. 2 п. 5 ППВС РФ от 30.11.2017 № 48 определяет, что при условии хищения безналичных денежных средств путем обмана или

злоупотребления доверием, то преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого, владельцу этих денежных средств причинен ущерб. То есть, исходя из логики высшей судебной инстанции, закреплённой в Постановлении Пленума Верховного Суда, следует, что в такого рода случае появления реальной возможности пользоваться или распорядиться похищенным имуществом по собственному усмотрению не требуется.

В.В. Хилюта по этому поводу справедливо отмечает, что приведённые же рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации о моменте окончания мошенничества ещё раз подчёркивают неоднозначность и шаткость действующего на практике критерия момента определения хищения как окончанного преступления [11, с. 163-173]. Однако в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) излагалась иная позиция, согласно которой мошенничество, совершенное путём изъятия денежных средств со счета их владельца, считается оконченным с момента зачисления денег на счёт виновного [12]; также, исходя из содержания примечания 1 к ст. 158 УК РФ, законодатель определил, что предмет преступления в обязательном порядке должен быть обращён в пользу виновного или других лиц; то есть. факт противоправного изъятия имущества ещё образует самого хищения (факт утраты потерпевшим возможности контроля над предметом хищения не образует состава преступления – хищения).

Возвращаясь к абз. 2 п. 5 ППВС РФ от 30.11.2017 № 48 и исходя из того, что дистанционные формы хищений связаны, чаще всего, с использованием банковских инструментов (банковские счета, дебетовые банковские карты, система быстрых платежей), то действия лиц, открывших банковские счета (дебетовые банковские карты) и либо передавшие свои банковские реквизиты третьим лицам, либо самостоятельно обеспечивают перевод, аккумуляцию похищенного, то такого рода действия следует квалифицировать как пособничество в мошенничестве.

Кроме того, действия дроперов, предоставивших банковские счета для осуществления мошенничества третьими лицами, образуют состав преступления, предусмотренный ст. 187 УК РФ (Неправомерный оборот средств платежа), в связи с чем, действия дропера следует квалифицировать по совокупности со ст. 159 УК РФ при условии

осведомлённости последнего о характере противоправных действий.

Приобретение права собственности на имущество, полученное одним из соисполнителей, не исключает возможности квалификации действия иных лиц как соисполнителей мошенничества. Так, в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2014 г. № 48-АПУ14-35, установлено, что что Федяева К.В., Киселев В.В., Аллахвердиев Е.А.О., Галимова Д.А. в разное время в период с 29 июля по 9 ноября 2010 года согласились помочь Уткину С.В. путем обмана и злоупотребления доверием В. приобрести право собственности на принадлежащую ей квартиру, в связи с чем, Федяева К.В., Киселев В.В., Аллахвердиев Е.А.О., действуя группой лиц по предварительному сговору между собой, с Уткиным С.В. и Галимовой Д.А. обманывали потерпевшую, подтверждая обещания Уткина, что в случае переоформления ее квартиры на Галимову Д.А. она сможет получить другую квартиру стоимостью в пределах обозначенной суммы рублей, а в случае покупки квартиры меньшей стоимостью, распорядиться оставшейся частью денег, при этом указанными лицами Федяева К.В. – сожительница Уткина С.В., представлялась В. в качестве девушки Аллахвердиева Е.А.О. Кроме того, Киселев В.В., проживая с В. в одной квартире, контролировал ее поведение, а Федяева К.В. и Аллахвердиев Е.А.О. участвовали в осмотре В. квартир, которые ей предлагались для будущей покупки.

Таким образом, действуя группой лиц по предварительному сговору с Уткиным С.В., каждый из осужденных принял участие в обмане потерпевшей с целью помочь Уткину приобрести право собственности на квартиру потерпевшей; то есть, совершил действия, входящие в объективную сторону мошенничества. В связи с этим, то обстоятельство, что в результате обмана потерпевшей, право собственности на квартиру было приобретено только Уткиным, не имеет правового значения для квалификации действий остальных осужденных по ст. 159 УК РФ [13].

Таким образом каждый из соисполнителей обмана осознает, что их действия находятся в объективной взаимосвязи, и они приведут к выбытию собственности потерпевшего и получению права собственности одним из соисполнителей, который преследует корыстную цель мошенничества. Кроме того, следует отметить, что иные соисполнители обмана могут быть материально мотивированы иным образом, например, обещанием

передачи вознаграждения, прощением долга, обещанием погасить кредит, передачей части средств в «общак»; то есть, результат совместной умышленной преступной деятельности, направленной на изъятие имущества у потерпевшего, может находиться в определенной заинтересованности иных соисполнителей преступления.

Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ, относится к тяжким преступлениям, на основании чего можно констатировать, что при условии, если виновные лица сорганизовались в организованную группу для совершения нескольких мошенничеств либо для совершения нескольких преступлений в особо крупном размере, либо с целью лишения граждан жилых помещений, то в этом случае действия виновных лиц требуют дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)).

Отметим, что преступное сообщество (преступная организация) обладает более сложной внутренней структурой. Такого рода структура характеризуется наличием специализированных функций (сбор и обработка информации о потенциальных жертвах, введение жертвы в обман, вывод и обналичивание денежных средств, полученных преступным путём), а также взаимодействием между ними с целью достижения общих преступных целей. Кроме того, структурными подразделениями преступной организации могут выступать территориально обособленные группы. Но, в обязательном порядке, преступное сообщество (преступная организация) создается с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, что, по сути, соответствует корыстной цели совершения мошенничества.

Так, приговором от 24 апреля 2024 года по уголовному делу № 01-0052/2022 (01-0851/2021) Бабушкинским районным судом города Москвы признаны виновными лица, совершившие мошенничества в составе преступного сообщества (преступной организации) в форме, структурированной организованной преступной группы. Преступная организация была создана для совершения на постоянной основе тяжких преступлений, связанных с приобретением прав на жилые помещения, легализацией (отмыванием) иного имущества и хищением денежных средств граждан под предлогом заключения с ними договоров купли-продажи квартир, в собственных корыстных про-

тивовправных интересах. В состав преступного сообщества на протяжении четырёх с половиной лет вошли семнадцать человек [14].

Исходя из смысла п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – ППВС РФ от 10.06.2010 № 12), при совершении участником преступного сообщества (преступной организации) преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, с учётом квалифицирующего признака «организованная группа». При этом участие в преступном сообществе (преступной организации) выражается в фактическом вхождении в состав сообщества, разработке планов по подготовке к совершению мошенничества, выполнение различного рода функциональных обязанностей (подбор иных участников (рекрутинг), приискание жертв, информации, коррумпирование должностных лиц органов публичной власти и т.п.).

Признавая повышенную степень и характер общественной опасности дистанционных форм хищений, а также то обстоятельство, что они совершаются в составе преступных сообществ (преступных организаций) следует согласиться с позицией, закреплённой в ППВС РФ от 10.06.2010 № 12, о том, что участие в преступном сообществе (преступной организации) является окончанным с момента не только совершения хотя бы одного преступления, но и других конкретных действий по обеспечению деятельности преступного сообщества (преступной организации), а также то, что уголовная ответственность участника преступного сообщества (преступной организации) за действия, предусмотренные ч. 2 ст. 210 УК РФ, наступает независимо от его осведомлённости о действиях иных участников сообщества (организации), а также о времени, месте, способе и иных обстоятельствах не только совершаемых преступлений, но и планируемых. Кроме того, нам представляется верной позиция Верховного Суда Российской Федерации в части квалификации действий организатора, подстрекателя либо пособника не зависимо от его роли в преступлении при совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ч. 2 ст. 210 УК РФ без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Заключение.

В качестве заключения по данной статье отметим, что конструкции соучастия в мошенни-

честве являются достаточно сложными для квалификации, особенно в современных условиях, поэтому они требуют системного изучения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вишневецкий, К. В. Криминологическая характеристика групповых форм преступной деятельности в современных условиях / К. В. Вишневецкий, А. А. Кашкаров, А. А. Кашкаров // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2024. – № 4. – С. 104-108.;
2. Шеслер А.В. Методы криминологического исследования групповой преступности // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2019. №446. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya-grupповoy-prestupnosti> (дата обращения: 15.08.2024).
3. Пудовочкин, Ю. Е. Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии / Ю. Е. Пудовочкин // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2018. – № 3(70). – С. 3-9.
4. Пудовочкин, Ю. Е. Завышенная квалификация соучастия в преступлении (обзор судебной практики) / Ю. Е. Пудовочкин // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. – 2019. – № 3(71). С. 81-88.
5. Обзор Верховного Суда Республики Мордовия от 1 июля 2017 г. «Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия за II полугодие 2017 года» // <https://arbitr.garant.ru/#%2Fdocument%2F44926202%2Fparagraph%2F39%3A0>
6. Образжиев, К. В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений / К. В. Образжиев // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. – 2017. – № 4(60). – С. 4-13.
7. Джафарли В.Ф. Криминологическая кибербезопасность: теоретически, правовые и технологические основы: монография / под ред. и с предисл. С.Я. Лебедева. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Проспект, 2024. – 480 с.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/
10. Обзор Верховного Суда Республики Мордовия от 1 июля 2017 г. «Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия за II полугодие 2017 года» // <https://arbitr.garant.ru/#%2Fdocument%2F44926202%2Fparagraph%2F39%3A0>
11. Хилюта, В. В. Момент окончания мошенничества: спорные положения Пленума Верховного Суда РФ / В. В. Хилюта // *Библиотека уголовного права и криминологии*. – 2018. – № 3(27). – С. 163-173.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F71440302%2Fparagraph%2F698%3A9>
13. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2014 г. № 48-АПУ14-35 // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F70823484%2Fparagraph%2F99%3A13>

14. В Бабушкинском районном суде города Москвы вынесен приговор в отношении сообщества квартирных мошенников // <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/v-babushkinskom-rajonnom-sude-goroda-moskvy-vynesen-prigovor-v-otnoshenii-soobshhestva-kvartirnyh-moshennikov>

References:

1. Vishnevetsky, K. V. *Criminological characteristics of group forms of criminal activity in modern conditions* / K. V. Vishnevetsky, A. A. Kashkarov, A. A. Kashkarov // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. - 2024. - No. 4. - P. 104-108 .;

2. Shesler A. V. *Methods of criminological study of group crime* // *Vestn. Tomsk. state University*. 2019. No. 446. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya-gruppovoy-prestupnosti> (date of access: 08/15/2024).

3. Pudovochkin, Yu. E. *Features of the objective side of a crime committed in complicity* / Yu. E. Pudovochkin // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2018. - No. 3 (70). - P. 3-9.

4. Pudovochkin, Yu. E. *Overqualification of complicity in a crime (review of judicial practice)* / Yu. E. Pudovochkin // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. - 2019. - No. 3 (71). - P. 81-88. 5. *Review of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated July 1, 2017 "Review of judicial practice in criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Mordovia for the second half of 2017"* // <https://arbitr.garant.ru/#%2Fdocument%2F44926202%2Fparagraph%2F39%3A0>

6. Obraziev, K. V. *Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes* / K. V. Obraziev // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. - 2017. - No. 4 (60). - P. 4-13.

7. Jafarli V. F. *Criminological cybersecurity: theoretical, legal and technological foundations: monograph* / edited and with a foreword by S. Ya. Lebedev. - 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Prospect, 2024. – 480 p. 8. *Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation"* // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/

9. *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery"* // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/

10. *Review of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of July 1, 2017 "Review of judicial practice in criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Mordovia for the second half of the year 2017"* // <https://arbitr.garant.ru/#%2Fdocument%2F44926202%2Fparagraph%2F39%3A0>

11. Khilyuta, V. V. *The moment of the end of fraud: controversial provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation* / V. V. Khilyuta // *Library of Criminal Law and Criminology*. - 2018. - No. 3 (27). - P. 163-173.

12. *Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 6, 2016)* // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F71440302%2Fparagraph%2F698%3A9>

13. *Appellate ruling of the judicial panel for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 14, 2014 No. 48-APU14-35* // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F70823484%2Fparagraph%2F99%3A13>

14. *The Babushkinsky District Court of Moscow has issued a verdict against a community of apartment scammers* // <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/v-babushkinskom-rajonnom-sude-goroda-moskvy-vynesen-prigovor-v-otnoshenii-soobshhestva-kvartirnyh-moshennikov>

Информация об авторах:

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы, Краснодарский университет МВД России, e-mail: kvishneveckiy@mail.ru,
Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Россия; e-mail: kashkarov79@ya.ru

Кашкаров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Крымский юридический институт – филиал Университета прокуратуры Российской Федерации. e-mail: kashkarov73@ya.ru

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, head of department of educational and methodical work, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department; Department of Criminal Law and Criminology; Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Simferopol, Russia.

Alexander A. Kashkarov Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department Criminal Law Disciplines, Crimean Law Institute – branch of the University of the Prosecutor's Office Russian Federation.